

Проф. М. И. Артамонов

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СКИФОВ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Книгу М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор»¹, можно рассматривать как итог всей научно-исследовательской работы в области истории скифов в досоветский период. М. И. Ростовцев рассмотрел в ней все виды источников, относящихся к скифам: литературные, эпиграфические, нумизматические и археологические и дал им оценку в свете последних достижений исторической науки об античном мире. Попутно он изложил и свои воззрения на содержание исторического процесса в Северном Причерноморье в античный период. Впрочем, взгляды, этого, весьма популярного за границей, русского ученого на скифов были сформулированы им еще раньше в ярко написанной книжке «Эллинизм и иранство на юге России», вышедшей в свет в 1918 г.² Указанные работы М. И. Ростовцева вместе с его же трудами по вопросам скифского искусства, опубликованными за границей³, представляют весьма важный рубчик в истории науки о скифах. Они завершают длинный путь исследований, шедших по разным направлениям, и представляют собой обобщение всех ранее накопленных наукою данных. В лице М. И. Ростовцева собственно история, имеющая дело с письменными источниками, и археология, обращающаяся к вещественным остаткам прошлого, пришли к единению, какого еще не знала наука о Северном Причерноморье. Блестящий эрудит и тонкий исследователь, одинаково ценящий и сведения, сообщаемые древними авторами, и данные археологии, умеющий критически разобраться в тех и других, М. И. Ростовцев в синтезе во многом превзошел своего предшественника в этом деле английского ученого Е. Minns'a, труд которого в общем не поднимается выше добросовестной компиляции⁴.

Руководящая идея в обобщающих трудах М. И. Ростовцева сводится, в сущности говоря, к очень простой мысли о столкновении в Северном Причерноморье двух этно-культурных начал—восточного, или иранского, принесенного сюда кочевыми племенами скифов и сарматов, и эллинского, рассадниками которого были греческие колонии. Сочетание этих двух начал и дало замечательную скифскую культуру, воспринимаемую прежде всего со стороны скифского искусства, или «звериного стиля». Во внутренней,

¹ Изд. ГАИМК, 1925 г. С некоторыми дополнениями переиздана на нем. языке: «Skythien und der Bosphorus», I, Berlin, 1931.

² В переработанном виде издана на англ. языке: «Iranians and Greeks in South Russia», Oxford, 1922.

³ «The Animalstyle in South Russia and China», Princeton, 1929; «Some new aspects of Iranian art», «Sem. Kond.», 1933, VI.

⁴ E. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913.

социальной и экономической жизни варварского населения Северного Причерноморья руководящее значение с начала и до конца античного периода оставалось за восточными «феодальными» формами. Эта несложная идея связывает у М. И. Ростовцева явления материальной и духовной жизни Северного Причерноморья, придавая им единство и стройность и включая нашу страну в рамки всемирноисторического процесса¹. В этом — ее ценность и значение, но здесь же обнаруживается и ее слабость.

Даже ближайший ученик М. И. Ростовцева Г. О. Боровка не мог не почувствовать и не понять, что в стройной системе учителя имеется весьма слабое место: она оставляет без всякого внимания исконный местный этно-культурный элемент Северного Причерноморья. Для Г. О. Боровки было ясно, что в области скифского искусства далеко не все исчерпывается иранскими и эллиническими привнесениями; остается нечто весьма существенное как в отношении стиля, так и содержания, что не может быть сведено ни к восточному, ни к греческому искусству. Г. О. Боровка для выяснения этого специфического «скифского» остатка обратился к «неолитическим» культурам севера и к «бронзам» Минусинской котловины². Открытие «ордосских бронз», столь близких к произведениям скифского искусства, заставило и некоторых других ученых рассматривать «звериный стиль» не как традицию древнего Востока, а видеть в нем выражение свойственной древним охотникам тотемической магии и искать корни его на месте³. Все это приводило лишь к некоторым поправкам в концепции М. И. Ростовцева, а не снимало ее совершенно. Теория М. И. Ростовцева продолжала жить и доньше занимает доминирующее положение в буржуазной науке.

Молодая советская наука прежде всего поставила под сомнение ту часть концепции М. И. Ростовцева, которая касается социально-экономического строя скифов. С. А. Семенов-Зусер воскресил представление о скифском обществе, распространенное в русской исторической науке второй половины XIX в., периода увлечения теорией родового строя. Он рассматривал скифов как пример общества с родовыми порядками⁴. Мысль о родовом строе у скифов получила дальнейшее развитие, и притом на значительно более высоком теоретическом уровне, в работе В. И. Равдоникаса, напечатанной в 1932 г. в «Готском сборнике»⁵. В. И. Равдоникас сделал первую в советской науке попытку обобщенного представления о ходе исторического развития в Северном Причерноморье в духе диалектико-материалистического мировоззрения и учения Н. Я. Марра о стадийности.

¹ В этом отношении интересна последняя работа М. И. Ростовцева «The social and economic history of the Hellenistic World», 3 тома, Oxford, 1941.

² G. B o r o f f k a, Scythian Art, London, 1928; Kunstgewerbe der Skythen, «Geschichte d. Kunstgewerbes», I, Berlin, 1928. Чистые туземные формы скифского искусства в памятниках Минусинской котловины усматривал еще E. Minns (ук. соч., стр. 26). В советской науке идеи Г. О. Боровки о путях происхождения скифского искусства разделял недавно скончавшийся Д. Н. Эдинг (см. «Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля», в «Трудах Гос. ист. музея», вып. 10, М., 1940). Энергичные возражения против роли охотничьего населения лесной полосы Евразии в образовании скифского звериного стиля см. у А. М. Tallgren'a («Zum Ursprungsgebiet des sog. Skythischen Tierstils» в «Acta Archaeologica», 1933, т. IV, № 2—3.).

³ I. G. A n d e r s s o n, Hunting Magic in the Animal Style, «The Museum of far Eastern Antiquities», 1932, Bull. № 4; Ср. В. В. Г о л ь м с т е н, Из области культа Древней Сибири. Из истории докапит. формаций, «Сборник к XV-летию научной деятельности Н. Я. Марра», Л., 1933.

⁴ С. А. С е м е н о в - З у с е р, Родовая организация у скифов Геродота, «Изв. ГАИМК», т. IX, в. 1.

⁵ В. И. Р а в д о н и к а с, Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья, «Изв. ГАИМК», т. XII, в. 1—8; «Готский сборник», Л., 1932.

Совершенно правильно критикуя наивные стороны взглядов С. А. Зусера, В. И. Равдоникас особо отмечает в этой работе значение у скифов вождей и дружины в связи с начавшейся имущественной дифференциацией между семьями и наличием элементов рабовладения. Вместе с тем он наносит сокрушительный удар теориям о классовой — феодальной, как у М. И. Ростовцева и М. Эберта¹, или рабовладельческой — природе скифского общества. Теория о рабовладельческом строе у скифов была к этому времени выдвинута А. П. Смирновым². Однако В. И. Равдоникас признает, что развитие социально-экономических порядков у скифов шло в сторону рабовладельческого строя, причем для части Скифии, прилегающей к античным колониям и находившейся в сфере особенно сильного воздействия со стороны античного мира, он допускает наличие уже сложившегося классового общества рабовладельческого типа еще в скифское время.

Учение о родовом строе скифского общества и его разложении, изложенное в общей форме в вышеуказанной статье В. И. Равдоникаса, было в дальнейшем разработано мною путем анализа всей совокупности имеющихся археологических и литературных данных. Задача моей работы заключалась в том, чтобы на примере скифов, как конкретного исторического образования, проследить процессы, приводящие к превращению первобытно-общинного строя в классовый, государственный. Основные результаты этого труда можно свести к следующим положениям³. Важнейшей предпосылкой возникновения скифской культуры был громадной важности переворот, совершившийся в хозяйстве населения южной половины Восточной Европы к I тысячелетию до н. э. В это время на основе в общем однородного оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства в соответствии с различными геофизическими условиями степной и лесостепной полосы образовались два глубоко различные между собою типа хозяйства: скотоводческое, кочевое в степях, и оседлое, земледельческое с применением в обработке земли тяговой силы скота — в лесостепной полосе⁴. Тот и другой тип хозяйства открывал возможность для развития экономической независимости патриархальной семьи и для возникновения на этой основе экономического и социального неравенства.

Древние кочевники жили большими ордами и должны были вследствие этого для обеспечения корма своему скоту постоянно передвигаться с места на место по определенному маршруту в пределах принадлежавшей каждой кочевой группе территории. В связи с непрерывным кочеванием обычным типом жилища у кочевников Причерноморья была кибитка — дом на колесах⁵.

В местностях, где кочевники проводили со своими стадами зимы — в низовьях больших рек, на морском побережье — в V—IV вв. до н. э. возникают поселения городского типа, служившие средоточием ремесла и торговли и вместе с тем являвшиеся резиденциями кочевой знати. Примером таких поселений могут служить: городище у станицы Елизаветов-

¹ Max Ebert, *Südrussland im Altertum*, Bonn und Leipzig, 1921; *Südrussland, Skytho-sarmatische Periode*, «Reall. d. Vorgesch.», XIII, Berlin, 1929.

² А. П. Смирнов, *Рабовладельческий строй у скифов-кочевников*, М., 1935

³ «Скифы. Очерки по истории Северного Причерноморья. Тезисы к диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук», ЛГУ, 1941. Ср. «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», т. I, ч. 2, изд. АН, Л., 1939 (на правах рукописи).

⁴ Ср. А. А. Миллер, Тезисы к вопросу о скифах, «Проблемы истории матер. культуры», 1933, № 5—6, стр. 19.

⁵ С. А. Семенов-Зусер. Скифы-кочевники на территории північного Причерномор'я, «Наукові записки», IV, I Харківського Державного Педагог. Інституту за 1939 рік.

ской на Дону, древний Танаис¹, а также Каменское городище на Днепре в районе Никополя, в последние годы интенсивно исследуемое Б. Н. Граковым².

У оседлых племен Скифии земля находилась в общей собственности и периодически (ежегодно) подвергалась переделам между семьями³. Для защиты от кочевых соседей земледельческие племена сооружали мощные земляные укрепления как вокруг своих поселений (городища), так и на границах со степью (змиевы валы). Степень изученности этих укреплений, как и поселений земледельческого населения Скифии, остается, к сожалению, весьма недостаточной. Некоторое оживление внимания к ним наблюдается только в последние годы, причем уже полученные данные позволяют рассчитывать на очень важные результаты. Отметим в этой связи раскопки Шарповского городища и обширные разведки, проводимые украинскими археологическими учреждениями как в восточной, левобережной, так и в западной, правобережной, Украине⁴.

Распространенная в античной литературе идеализация скифов, как общества с коммунистическим строем, основывалась на действительных признаках их социально-экономических отношений⁵. Экономической единицей скифского общества была патриархальная семья. Однако в условиях примитивной техники как кочевого скотоводческого, так и оседлого земледельческого хозяйства оставалась еще необходимой производственная кооперация этих семей, иными словами сохранение старой производственной организации, какой в первобытном обществе была родовая община.

В условиях общинной организации, когда ряд важнейших хозяйственных работ выполнялся сообща, рабство не могло получить широкого распространения и стать основой хозяйства. Богатые хозяйства пользовались чужим трудом, но эксплуатация эта была скрыта в формах совместной общинной работы. Вместе с тем родовая община, как форма коллективного производства, препятствовала росту отдельного хозяйства. То обстоятельство, что она в течение долгого времени оставалась формой организации даже частновладельческих хозяйств, может быть объяснено только тем, что деятельность последних получила особое направление, что экономические интересы их заключались не столько в развитии тех или иных производств внутри себя и в расширении на этой основе, сколько в стремлении к внеэкономическому обогащению посредством войны. Родовая община оказалась готовой формой военной организации, особенно для кочевников.

Скотоводческое кочевое хозяйство не могло обходиться без постоянных экономических связей с земледельческими хозяйствами. Поскольку такие связи еще не основывались на одинаково необходимом для обеих сторон регулярном обмене, кочевники вынуждены были осуществлять его односторонне — вооруженным путем, в форме грабежей и даней.

¹ Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у ст. Елизаветовской по данным эксп. ГАИМК в 1928 г. Из истории Боспора, «Изв. ГАИМК», № 104 (1934).

² Б. Н. Граков, Археологические раскопки близ Никополя, ВДИ, 1939, № 1(6).

³ М. И. Артамонов, О землевладении и земледельческом празднике у скифов, «Уч. записки ЛГУ» (в печати).

⁴ М. Фукс, Про городища скитської доби на Харьковщині, «Записки Всеукр. археол. комітету», I, Київ, 1930, стр. 91—112; А. Т., Археологічна робота Музею 1926—27 р. «Збірник присвячений 35- річчю Музею», т. I, Полтава, 1928; Л. Славин, Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период, ВДИ, 1940, № 1/103; П. Н. Шульц, Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева, «Кр. Сообщения ИИМК», V (1940); М. А., Юго-Подольская археол. экспедиция, «Вестник ЛГУ», 1946, № 3—4.

⁵ Ср. Д. П. Каллистов, Античная литературная традиция о Северном Причерноморье, «Исторические записки», т. 16 (1945).

Такие отношения в конечном счете обычно приводят к образованию объединений скотоводческих и земледельческих племен. Так могло возникнуть и скифское объединение, которое отнюдь не следует себе представлять в виде обширного могущественного государства. Это был непрочный, изменчивый в своем составе союз племен со множеством династов и вождей и с близким к номинальному преобладанием одного из них над другими.

Возможно, что образование скифского союза происходило в борьбе с ранее сформировавшимся в Причерноморье киммерийским объединением того же порядка, закончившейся разгромом последнего и подчинением скифам ряда киммерийских или подвластных киммерийцам племен.

Весьма вероятно также, что грабительские походы сначала киммерийцев, а затем скифов в Переднюю Азию были вызваны возникновением этих военных союзов и, в свою очередь, содействовали их усилению и расширению.

В советской историографии важнейшие вопросы об общественном строе скифов получили принципиально новую трактовку.

Тот общественный строй, который выработался у скифов ко времени Геродота, Энгельс назвал военной демократией. Это был строй общества, уже знавшего частную собственность, имущественное неравенство и эксплуатацию, но не вступившего еще в полосу социальных противоречий, не изжившего еще родового устройства и общинных отношений. Единственной силой, грозившей стать над обществом, в это время была еще только сила военного вождя, опиравшегося на независимую от родовых учреждений дружину, вызванная военным характером самого общества, а не непримиримыми противоречиями внутри его.

Дружина увеличивала силу и власть вождя, но не могла обеспечить за ним безусловного господства над обществом до тех пор, пока последнее представляло собою целостную организацию, не раздробленную классовыми противоречиями. Но в этой силе уже заключались элементы государственности, и она готова была стать орудием господства одной части общества над другой, эксплуататоров над эксплуатируемыми.

Развитие торгового обмена между варварами Северного Причерноморья и греческими колониями ускоряло процесс разложения первобытно-общинного строя у наиболее тесно связанных с греками племен. Верхи скифского общества тесно срастались с торговой аристократией греческих городов, усваивали греческую бытовую обстановку, греческие обычаи и представления. Яркую картину этого процесса дают нам богатые скифские могилы.

С течением времени, в связи с развитием экономической дифференциации, старые формы родовой производственной организации распадаются. Из нее выделяются в первую очередь богатые хозяйства. Вместе с тем исчезает необходимость непрерывного кочевания, постоянной смены пастбищ. С разрушением общинной солидарности богатые хозяйства получают в лице экономически зависимой от них бедноты достаточное количество рабочей силы не только для обособленного ведения скотоводческого хозяйства, но и для укрепления и расширения его посредством присоединения земледелия. Из кочевого хозяйство превращается в полукочевое. Возникновение большого количества земледельческих поселений в низовьях степных рек и на морском побережье—в излюбленных местах зимовок кочевников, означющее оседание части кочевников, начинается в IV—III вв. до н. э. и знаменует важный этап социально-экономического развития варваров.

Характер зависимости одной части общества от другой в это время, по всей вероятности, имел вид экономической кабалы, под маской патриархальности, граничившей с рабством, а в значительной мере и ничем не

прикрытого рабства. К этому времени общественная власть в Скифии уже полностью отделилась от своих корней в народе и представляла организацию господства над обществом в интересах рабовладельческой знати. Вместе с тем скифы сохраняли еще племенное и родовое деление. Скифское царство III—I вв. до н. э. было полупатриархальным-полурабовладельческим обществом.

В истории Скифского царства III—I вв. ознаменованы ожесточенной борьбой с греческими колониями Северного Причерноморья. Скифская знать, эксплуатируя рабов и кабальных, была заинтересована в организации наиболее выгодного сбыта продуктов своего растущего хозяйства и уже не могла мириться с независимостью колоний и довольствоваться теми подачками, которые ей перепадали от греков. Она желала сама распоряжаться в греческих городах и получать все барыши, которые давало обладание этими ставшими необходимыми для варваров рынками. Борьба эта кончилась неудачно для скифов. Античный мир был еще достаточно сильным, чтобы справиться с варварами. С помощью Понтийского царства, а затем Римской империи притязания скифов были отражены, но зато греческие колонии Северного Причерноморья утратили свою независимость и попали под власть сначала Понтийского царства, а с падением его вошли в состав Римской империи¹.

Скифское царство, обнимавшее степной Крым и нижнее Поднепровье, было значительно меньше Скифии Геродота и представляло наиболее передовые в смысле социально-экономического развития племени северо-западного Причерноморья. Аналогичный процесс, но в несколько других условиях, протекал на берегах Керченского пролива и в бассейне нижнего течения Кубани.

Греческие колонии на Боспоре, просуществовав около сотни лет в качестве самостоятельных государственных образований, в конце концов волей или неволей должны были подчиниться туземной власти, предоставив ей место в системе политической организации колоний². Но вместе с тем они превратили ее из силы, если и не всегда враждебной, то чуждой греческому городу, в аппарат колониальной эксплуатации. Из объединения греческих колоний Боспор при Спартокидах превратился в греко-варварское государство, включающее в свой состав ряд туземных племен нижней Кубани и Приазовья.

Сильная в отношении греков своими традиционными связями с туземным населением, царская власть, опираясь на дружину, наемное войско и поддержку греческих городов, рано делается независимой от этого населения, господствующей над ним. Родовая демократия заменяется государственным строем, в условиях которого разложение первобытно-общинных порядков протекает с особенной быстротой.

Трудно в рамках одной статьи исчерпать все вопросы истории варварского населения Северного Причерноморья в скифскую эпоху, как они поставлены в работах советских историков. Намеченное выше в общих чертах решение некоторых относящихся сюда проблем также, конечно, не является окончательным и бесспорным. В ряде случаев оно опирается на явно недостаточный материал. Накопление новых, в особенности археологи-

¹ С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДИ, 1938, № 1(2); он же, Херсонесская присяга, «ИАН», 1935.

² С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья, ВДИ, 1938, № 1(2); он же, Образование Боспорского государства, «Изв. ГАИМК», № 104 (1934); он же, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3(4); M. R o s t o w t z e f f, The Bosporan Kingdom, САН, VIII, стр. 785 сл. Критические замечания Ростовцева по вопросу о Савмаке и восстании на Боспоре в трактовке С. А. Жебелева см. в «The Social and economic history of the Hellenistic World, 1941, v. III, стр. 1512.

ческих, данных и тщательное исследование отдельных сторон указанного выше процесса является насущнейшей задачей нашей науки. Особенно важным мне представляется исследование отношений собственности, поскольку они находят отражение в погребальном обряде. Погребальный обряд с уничтожением имущества умершего указывает на неразвитость права собственности, на несовпадение личного и семейного имущества, следовательно, на не-частновладельческий характер хозяйства. Объединение того и другого вида собственности в личности семейного главы приводит к смешению связанных с ними представлений. Семейное хозяйство начинает рассматриваться как личное, но зато и личное имущество подчиняется нормам, существовавшим для семейного. На этой основе становится возможным ограничение количества и состава вещей, следующих за покойником в могилу, наследование личной собственности в составе семейного имущества. Скифские погребения, мне кажется, дают возможность проследить этот процесс.

Другим важным вопросом скифологии, разрабатывавшимся в советской науке, был вопрос об этнической принадлежности, а в связи с этим и о происхождении скифов. В буржуазной науке прочно утвердилось представление об иранстве скифов. Скифы, если не в целом, то в своей господствующей кочевой части рассматриваются в качестве иранской народности, вторгшейся в Северное Причерноморье с востока, из Азии, и вытеснившей или частично подчинившей старое фракийское население этой области — киммерийцев. Впрочем, часть ученых распространяет иранскую этническую принадлежность и на киммерийцев¹. Крупнейший советский лингвист, автор так наз. яфетической теории, или учения о стадийном развитии языка, акад. Н. Я. Марр в ряде своих статей установил яфетическую природу скифского языка². Н. Я. Марр не отрицал наличия иранских элементов в скифском языке, но относил их за счет связей яфетического в своей основе населения Северного Причерноморья с Передней Азией, хорошо засвидетельствованных и сведениями античных писателей, и данными ассирийских текстов, и, наконец, археологическими фактами.

Учение о стадийности в развитии языка, будучи распространено на социально-экономическое развитие и отождествлено с последним, нашло свое выражение в указанной выше работе В. И. Равдоникаса, где, например, феодализация и готизация в Северном Причерноморье объявлены одним и тем же явлением. В дальнейшем советская наука нашла более правильное понимание отношения между стадиями социально-экономического и языкового развития и, не отрицая связи между ними, отказалась от отождествления их между собою³. Яфетическую природу скифского языка также нельзя считать несомненной, хотя распространение яфетических элементов в Причерноморье и было весьма убедительно подтверждено в блестящем исследовании акад. А. И. Джавахишвили⁴. С точки зрения общего представления о возникновении индоевропейских языков, в системе которых скифский должен был занимать весьма важное место необходимого звена, соединяющего западную и восточную (азиатскую или арийскую) индоевропейские группы и ввиду наличия бесспорных иранских элементов в этом языке тезис об его яфетической природе едва ли может быть

¹ K. K r e t s c h m e r, *Scythae*, RE, II A, (1923); E. M i n n s, *The Scythians and northern nomads*, САН, III, стр. 187.

² Н. Я. М а р р, «Термин скиф», «Скифский язык» и др. («Избранные работы», т. V, 1935).

³ И. И. М е щ а н и н о в, Глоттогонический процесс и проблема стадийности, ИАН, Отделение языка и литер., 1941, № 3.

⁴ И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, Основные проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, ВДИ, 1939, № 4.

сохранен без существенных оговорок, по сути дела сводящих установленные Н. Я. Марром яфетизмы к пережиткам значительно более древней стадии¹. Лингвистические исследования в этом плане являются насущно необходимыми, и можно только пожалеть, что скифский язык последнее время выпал из поля зрения советских лингвистов.

При этом надо иметь в виду, что вопрос о скифском языке есть вместе с тем и вопрос об этно-культурном составе населения нашей страны в скифскую эпоху. Понятие «скифы», которым до сих пор оперировала наука, слишком общее и нуждается в уточнении. Скифы в разных аспектах—географическом, политическом и этническом—не одно и то же. Географически Скифия довольно определенно очерчена Геродотом, но и в этом своем виде она, согласно тому же Геродоту, включала не только скифские, но и нескифские племена. Признаком, по которому Геродот различал их между собою, был язык. В культурном же отношении они были весьма близки между собой, что, конечно, не исключает наличия у отдельных племен или родственных групп последних своих особых этно-культурных или этнографических признаков. В деле установления этих признаков, а тем самым определения этнического состава населения Скифии решающая роль принадлежит археологии. Она должна и может выделить основные этнографические группы внутри населения Скифии и определить их отношение к населению соседних областей. Этническая же природа этих групп может быть раскрыта путем исследования их генезиса как в отношении возникновения, так и последующего превращения в новые образования с известной, не вызывающей сомнения этнической атрибуцией.

Эта задача важна и актуальна ввиду распространенного представления о крупной роли скифов в возникновении восточных славян. Однако для каждого занимающегося этим вопросом должно быть ясно, что речь при этом может идти только об оседлом, земледельческом населении Скифии, причем остается вовсе не доказанным, что это население было «скифским» даже в той своей части, которая несомненно находилась под властью кочевого населения этой страны и входила в состав того полугосударственного образования, во главе которого, по словам Геродота, стояли «скифы царские». Племена Среднего Поднепровья, связь которых со славянами проходит через культуру полей погребений, едва ли когда-нибудь были подвластны кочевым скифам и даже, видимо, никогда скифами в собственном смысле не назывались. После работы Сулимирского, установившего признаки так наз. Подольской группы скифской культуры², данные Геродота о западных «скифах-пахарях» могут быть без труда связаны с определенными археологическими памятниками, существенно отличающимися от среднеднепровских.

В связи с этим старое представление, по которому скифы-пахари локализовались на Среднем Днепре, должно быть оставлено, тем более, что по точному смыслу слов Геродота в лесо-степной полосе Среднего Поднепровья и по Донцу жили не-скифские племена будино-гелонов, часть которых, по видимому описательно, именовалась андрофатами и меланхленами³.

С другой стороны, в составе кочевых племен Скифии Геродот указывает две особые группы, различие между которыми едва ли не было в какой-то степени этническим. Одна из них географически локализована в степном

¹ М. И. Артамонов, Археологические теории происхождения палеоевропейцев, «Вестник ЛГУ», 1947, № 2.

² T. Sulim irski, Scytowie na zachodniem Podolu, Lwów, 1936.

³ М. И. Артамонов, Веды, невры и будины в славянском этногенезе. «Вестник ЛГУ», 1946, № 2.

Крыму, другая, занимавшая господствующее положение в скифском политическом образовании, обитала в степном Поднепровье.

Анализ геродотовских легенд о происхождении скифов в связи с археологическими данными приводит к заключению, что основное население Скифии как исторического образования было автохтонным и этнически родственно, с одной стороны, с геллоно-будинскими племенами Среднего Поднепровья, а с другой—с фракийским населением Прикарпатья и Балкан. По свидетельству указанных легенд и по археологическим данным, особенно большая близость существовала между земледельческими скифскими и не-скифскими племенами Скифии. Все они мыслились как потомки одного родоначальника Липа (Липокса) или, по другой легенде,—Гелона. Потомство Арпокса (Арпа или Карпа, сравни Карпаты) или Агафирса занимало Прикарпатье и состояло из двух групп: катиаров (акатиров, т. е. агафирсов) и траспиев (траков, т. е. фракийцев). Потомки Колаксы (Кола—Скола) или Скифа, видимо, составляли по преимуществу кочевую часть этой родственной группы племен, потомков Таргитая. Название этой части племен, по свидетельству Геродота, было паралаты, общим же именем всех скифов было—сколоты. Естественно предположить, что наименование «сколоты», подобно всем другим вышеперечисленным наименованиям, связывалось с одним из легендарных этнонимов, а именно с Нолаксом или Сколом, и что оно было общим для всех скифов лишь постольку, поскольку они находились под властью собственно сколотов. Однако собственным именем этой господствующей части скифов, по Геродоту, было не сколоты, а паралаты. Спрашивается, откуда взялось это наименование и что оно означает?

А. Д. Удадьцов считает, что в основе наименования «паралаты» лежит иранское слово «пар» или «спар»—плуг, и полагает, что оно представляет название той части скифов, которую Геродот, дословно переводя местный термин, означающий «плужники», называет «скифами-пахарями»¹. Однако с этим мнением трудно согласиться. Нет сомнения, что свои описательные обозначения частей скифов, такие, как, например, скифы-пахари, скифы царские и др., Геродот не выдумал, а заимствовал из местной терминологии, переводя ее на греческий язык в тех случаях, когда этнические наименования поддавались осмыслению. Так, название «царские» представляет перевод хорошо известного нам племенного обозначения скифов—«саи», которое упоминается в ольвийском декрете в честь Протегена. Этот термин повторяется в именах родоначальников скифов: Арпокса, Липокса и Колаксы и, сближаясь с иранским «кшайя», несомненно, означает—«царь». По аналогии со скифами царскими, местное название которых было «саи», мы вправе предполагать, что и для такого обозначения, как скифы-пахари, существовал туземный эквивалент. Но может ли таковым быть название «паралаты»? Мне кажется, что нет, так как туземным названием населения западной Скифии, где помещались скифы-пахари, было «авхаты», термин же «паралаты» относился к восточным, кочевым скифам и уже по одному этому не мог значить плужники или пахари. Может быть, название это надо связывать с упоминаемыми Диодором Сицилийским «палами», подчинившими себе обширную страну от Танаиса до Фракии (кн. II, 43), и видеть в них тот новый в Поднепровье этнический элемент, появление которого обусловило разделение кочевого населения Скифии на две группы и послужило основанием для принятого уже Геродотом мнения об азиатском происхождении скифов. В таком случае название «сколоты» можно было бы связать с автохтонными кочевниками, в этни-

¹ А. Д. Удадьцов, Начальный период восточнославянского этногенеза «Исторический журнал», 1943, № 11—12.

ческом отношении родственными с местными же оседлыми племенами.

Хотя теория азиатского происхождения скифов пользуется всеобщим признанием, у нас до сих пор нет археологических доказательств вторжения кочевников в Поднепровье с востока, по крайней мере для времени, к которому это событие относит античная историческая традиция. Зато по археологическим данным можно проследить более древние передвижения с востока на запад, а равным образом с запада на восток, которые должны быть учтены при суждении о происхождении скифов. Отмечу в этой связи появление культуры шнуровой керамики в Поднепровье, западные связи которой несомненны, но отнюдь не в том смысле, в каком их истолковывали немецкие археологи, например Коссинна и Эберт¹. Появление этой культуры знаменует собою серьезные изменения в направлении хозяйственной деятельности местного населения, выделение внутри его пастушеских племен и понятное в связи с этим перемещение части населения в степь. С другой стороны, распространение так наз. срубной культуры нельзя не связывать с еще более мощным движением в степи, шедшим с северо-востока². Скрещение этих двух потоков: западного и северо-восточного, в Причерноморье и привело к возникновению той этно-культурной среды, которая вместе с дожившими до скифского времени трипольскими элементами составила основу скифского образования с рядом локально-племенных его вариантов. Изучение их составляет насущную задачу советской археологии; только на основе такого изучения может быть определен этно-культурный состав населения Скифии к моменту появления той культуры, которая в археологии известна под наименованием скифской и которая в наиболее общих своих признаках распространена далеко за пределами собственно Скифии.

Именно эту культуру М. И. Ростовцев охарактеризовал как восточную, «иранскую», в своей основе и несколько измененную эллинскими привнесениями. Формально такая характеристика совершенно правильна. Действительно, в так наз. скифской культуре, распространенной много шире, чем сами скифы, имеется множество элементов, близких или даже тождественных с восточными, «иранскими», по терминологии М. И. Ростовцева, а равным образом много черт греческого происхождения, особенно в Северном Причерноморье, где эллинское влияние на местное население через колонии было особенно велико и где сами греки принимали активное участие в создании варварской культуры. С точки зрения М. И. Ростовцева скифская культура в ее основных восточных элементах была иранской в этническом смысле этого определения. Зарождение ее он поэтому искал в колыбели иранства, вместе с которым она и распространилась на юг, запад и восток. В действительности это, конечно, было не так.

Скифская культура—явление не этнического порядка, и связь ее с иранством может быть признана лишь в той мере, в какой иранскому элементу принадлежало господствующее положение в Передней Азии в период развития и широкого распространения скифской культуры. И сам ахеменидский Иран и варварские племена Евразии получили элементы этой культуры из наследия древнего Востока. В последнее время все яснее и яснее становится крупная роль в возникновении так наз. скифской культуры Северного Кавказа и вместе с тем огромное значение Урарту, как источ-

¹ Популяризацию этого рода взглядов представляет статья С. П. Шестакова, Киммерійці в археології України («Сборник в честь Багалая»), 1927.

² Ср. А. М. Tallgren, *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux*. ESA, II, Helsinki, 1926.

ника, откуда древневосточные формы проникали на Северный Кавказ и в Причерноморье в раннее время¹. Элементы «скифской культуры» появляются на Северном Кавказе еще в конце периода бронзы. Во вполне выраженном виде эта культура выступает перед нами в замечательных погребальных комплексах Келермеса, относящихся к началу VI в. до н. э.

Едва ли можно сомневаться в том, что блестящее и раннее развитие скифской культуры на Северном Кавказе объясняется положением его на пути в Переднюю Азию, том самом, которым, по сообщению Геродота, воспользовались и киммерийцы и скифы в своих грабительских походах на Древний Восток². Появление форм, аналогичных с северокавказскими, в Поднепровье (Мельгуновский клад) свидетельствует, что в этих походах принимали участие не только северокавказские варвары (киммерийцы?), но и собственно скифы. Мельгуновская находка является ярким археологическим свидетельством прямого контакта с Кавказом и, вероятно, и с Передней Азией поднепровских племен. Этот контакт вместе с вышеуказанными крупными переменами в социально-экономическом строе варварских племен и был условием возникновения скифской культуры, охватившей все области, входившие в сферу восточного, переднеазиатского культурного воздействия. Эта культура лишь постепенно проникала в толщу туземного населения, видоизменяя этнические культуры отдельных племен, но видоизменяясь и сама при слиянии с ними.

Возможно допустить, что иранская среда в составе кочевого населения Евразии была особенно восприимчива к этому восточному воздействию, поскольку иранский элемент на Востоке занял господствующее положение и вызвал соответствующее своим потребностям переформирование древней культуры. Интенсивно проводимые в последние годы советскими археологами исследования в Средней Азии (особенно работы С. П. Толстова и А. А. Марущенко)³ позволяют надеяться на окончательное разрешение вопроса о происхождении восточной группы индоевропейцев («арийцев» — иранцев). Степные среднеазиатские культуры эпохи бронзы, проникающие в область древней земледельческой культуры восточного типа (Анау), теснейшим образом связываются с культурами Евразии вроде андроновской и срубной. Надо думать, что эти культуры, если и не были собственно «арийскими» (иранскими), то явились важнейшей основой для образования азиатских индоевропейцев, в том числе и иранцев. Если это так, то у иранского населения Передней Азии и скифоидных племен степной Евразии была общая традиция, вероятно, немало способствовавшая распространению среди последних восточных культурных элементов в иранском переформировании.

Другим аспектом своей культуры евразийские, особенно причерноморские, племена обязаны грекам. Восточномедиземноморские влияния рано проникают в Северное Причерноморье⁴, но особенно интенсивными они становятся с возникновением здесь греческих колоний. Взаимоотношения между миром колоний и варварской периферией составляют важней-

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 312 сл.; он же, Скифы и Закавказье, «Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. III, 1940.

² В. С. Молин. О передвижениях геродотовых скифов в Передней Азии, «Ученые записки Казанского университета», т. I, 1926.

³ С. П. Толстов, Древний Хорезм. Опыт историко-археол. исследования (тезисы докт. диссертации), «КС ИИМК», XIII, 1946, стр. 143 сл.; он же, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1(15), стр. 60 сл.; А. А. Марущенко, Анау. Историческая справка, «Архитектурные памятники Туркмении», 1939, в. 1, стр. 99 сл.

⁴ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947.

шую часть содержания истории юга нашей страны в античный период, причем для нас становится все более и более ясным, что роль местного населения в этих взаимоотношениях отнюдь не была пассивной. С самого начала своего существования колонии включали в свой состав значительное количество туземцев¹; эллинизированная туземная знать рано заняла руководящее положение в политической организации Боспорского царства, и ее вкусы нашли себе выражение в боспорском искусстве, оказавшем огромное влияние на все Причерноморье². История других северочерноморских колоний проходит под знаком борьбы со скифами, стремящимися подчинить их своей власти. Своего апогея эта борьба достигает при скифских царях Скилуре и Палаке³, когда Ольвия оказывается под протекторатом скифов, а Херсонес и Боспор, чтобы не разделить ее участи, вынуждены обратиться за помощью к Понту. Разгром Палака заканчивается историей скифского царства, но, конечно, не тех племен, которые входили в его состав. В условиях тесных связей экономического, политического и культурного порядка ближайши к колониям племена становились полуэллиническими; социальне верхи варваров настолько усваивали греческую культуру, что даже наиболее устойчивые местные этно-культурные элементы подвергались переработке в греко-античном духе. В этом отношении особенно выразительны памятники скифской религии, вышедшие из греческих мастерских.

Кстати, вопросы скифской религии и религиозного синкретизма, охватившего не только варваров, но и самих осевших в колониях греков, остаются весьма слабо разработанными⁴. Большое значение в этом отношении имеют наблюдения И. И. Мещанинова, вскрывшего космическое содержание в известных сценах терзания зверей⁵. Но этим, конечно, вопрос не исчерпывается, равно как не исчерпывают его и штудии, рассматривающие явления религиозного порядка, отложившиеся в памятниках Северного Причерноморья, исключительно с позиции идеологии античного мира.

Для дальнейшей, послескифской, истории нашей страны особенно важно исследование до сих пор мало привлекавших к себе внимание западных связей земледельческой Скифии. Не касаясь более ранних периодов, отметим, что в скифское время эти связи выступают с полной определенностью и настолько значительны, что в конце концов вызывают коренное изменение этно-культурного облика Среднего Поднепровья. До сих пор мы знали о скифских элементах на западе вплоть до Бранденбурга (Феттерсфельде). Их относили за счет скифской экспансии, особенно значительной в VI—V вв.⁶ Но еще более сильным было воздействие, шедшее с запада на восток, выразившееся во все более увеличивающемся распространении в Западной Украине лужицких элементов⁷. Первым результатом этого воздей-

¹ С. И. Капошина, Погребения скифского типа в Ольвийском некрополе. Доклад на пленуме ЛОИИМК — см. ВДИ, 1946, № 3 (17), стр. 223.

² Из новых работ отметим: Gisela M. A. Richter, A greek sword sheath from South Russia («Metropolitan Museum Studies», 1932, february и статью А. А. Передольской, Вазы Ксенофонта («Труды Отдела Античного мира», Гос. Эрмитаж, 1, Л., 1945, стр. 47 сл.).

³ Весьма интересна статья П. Н. Шульца, Скульптурные портреты скифских царей Скилуре и Палака, КСИИМК, XII, 1946, стр. 44 сл.

⁴ С. А. Жебелев, Геродот и скифские божества, «Изв. Тавр. о-ва», 1 (58).

⁵ И. И. Мещанинов, К вопросу о применении лингвистического материала при исслед. вешеств. памятников, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 4—2.

⁶ T. Sulimirski, Scythian Antiquities in Central Europe, «The Antiquaries Journal», XXV (1945), № 1—2.

⁷ T. Sulimirski, Das Problem der Expansion der Lausitzer Kultur nach der Ukraine, «Wiadom. Arch.», 14 (1936), стр. 40—54.

ствия было возникновение в Северной Галиции и на Волыни так называемой «высоцкой культуры», по всем данным принадлежавшей известному Геродоту племени невров¹. Но лужицкие культурные влияния еще в VI в. доходят и до Среднего Днепра. Их воздействие с течением времени становится настолько значительным, что здесь меняется обряд погребения (трупосожжение в урнах) и весь облик культуры. Культура среднеднепровских полей погребений, появление которой считалось внезапным и поэтому связывалось с вторжением германцев (бастарнов, готов или гепидов), в действительности возникает постепенно, путем скрещения скифских и лужицких (особенно высоцких) элементов. Распространение этих западных элементов в земледельческой Скифии означает еще большее расхождение в этническом развитии между лесостепной и степной Скифией, чем это было раньше в доскифское и раннескифское время, причем качественное изменение в первой из них происходит около III в. до н. э.² Земледельческая Скифия постепенно славянизируется, в то время как в степях доминирующее положение занимает сарматский—иранский элемент.

Однако в последней области сохранялись и более древние этнические группы, в особенности в наиболее эллинизированных частях Причерноморья, где греческая культура вместе с древней этнической традицией явилась серьезным барьером для распространения сарматского воздействия. С этой точки зрения, нам кажется, следует рассматривать процесс консолидации племен Крыма и Нижнего Поднепровья в Скифское царство Скилура и Палака, а равным образом объединение вокруг Боспора прикубанских варваров. Эти племена отличались от сарматской группы степных кочевников не только более высоким социально-экономическим строем с далеко зашедшей классовой дифференциацией, но и этническими признаками. Характерные указания на этот счет представляют последние археологические открытия П. Н. Шульца в столице крымской Скифии—Неаполисе. Погребальный склеп возле оборонительной стены содержит все признаки таврской традиции. И надо полагать, что наименование «скифо-тавры» было не просто констатацией смешанного характера населения скифского царства. Оно означало общий этнический облик этого образования, родственной с таврами, синдами и другими яфетическими племенами Причерноморья и Кавказа и отличный от сармат.

Следует считать, что скифы представляли собою особую группу индоевропейских языков, подобно фракийской, не дожившую до нашего времени и вовсе не тождественную с сарматской.

Я отнюдь не ставлю своей целью перечислить все вопросы истории скифов или дать сводку достигнутых советскою наукою результатов их изучения. Многие из них остаются еще проблемами, которые разрабатываются советскою наукою, но для разрешения которых требуется еще не только мобилизация всех уже имеющихся материалов, но и серьезные и притом планомерные усилия в накоплении новых, в первую очередь археологических, данных. С величайшим сожалением приходится констатировать, что долги, оставленные дореволюционной русскою наукою в части научного исследования огромных археологических материалов, собранных почти за сто лет интенсивных раскопок, не ликвидированы в советский период. Наоборот, они возросли и грозят превратиться в серьезную помеху на пути дальнейшего развития нашей науки. В самом деле, даже важнейшие комплексы скифской культуры остаются до сих пор не изданными полностью. Келермесские находки Шульца, Солоха и даже раскопанный в 1862 г. Чертомлык, не говоря уже о многих и многих других менее блестящих

¹ T. Sulim irski, Kultura wysocka, Kraków, 1931.

² Имею в виду появление могильников типа Зарубинцы—Корчеватое.

комплексах, все еще ожидают научной публикации и монографического исследования¹. Вопросы хронологии скифских памятников остаются не разработанными и могут быть удовлетворительно разрешены только тогда, когда хронология будет основываться не на одном лишь античном материале. Весьма примечательны в этом отношении возражения М. И. Ростовцева на хронологические заключения Шефольда².

Приходится горько пожалеть о гибели молодого талантливого исследователя Б. З. Рабиновича, который вместе с А. П. Манцевич наметил совершенно правильный подход к изучению скифской культуры путем исследования отдельных видов вещей. Его работа о зеркалах³ и посмертно опубликованная статья о шлемах⁴, равно как и статья А. П. Манцевича, посвященная скифским поясам⁵, надо надеяться, вызовут тщательное изучение и других памятников скифской культуры⁶. Особенно нужны исследования о скифской керамике. В этой области сделано ничтожно мало⁷. До сих пор нет ни региональной, ни хронологической классификации керамических находок и, конечно, отсутствуют исследования о происхождении разных керамических типов.

В дальнейшем развитии советской историографии о скифах важное место должен занять вопрос о формах скифских погребений. Устройство могилы и обряд погребения в целом являются важнейшими признаками этнографического порядка. Без исследования их вышеизложенные заключения по этнической истории Скифии остаются в области догадок.

Наконец, нельзя не отметить особой необходимости изучения поселений. На них до сих пор обращалось очень мало внимания, несмотря на то, что и быт и хозяйство скифов могут предстать перед нами в отчетливых формах только в результате исследования этих памятников.

Археологические исследования в нашей стране ежегодно приносят новые данные о давно прошедших временах. И хотя размах полевых исследований в области скифских памятников в настоящее время не столь велик, как в период деятельности Археологической комиссии, которая почти все свои средства направляла на раскопки античных и скифских древностей, все же с каждым годом круг наших источников по истории скифов непрерывно расширяется. Зияющие лакуны заполняются. В поле зрения исследователя входят все новые и новые факты, хотя и не относящиеся обязательно к Скифии и скифам, но тем не менее проливающие новый свет и на последних. Историческое развитие любой страны и любого народа совершается не изолированно, а в теснейшем взаимодействии с другими странами и народами. Крупные исторические события подготовляются задолго до их совершения. Вот почему в поле зрения историка скифов должны нахо-

¹ Из публикации старых материалов можно отметить лишь: Б. Н. Г р а к о в, Древности Яблоновской курганной группы из собр. Самоквасова («Труды арх. секции РАНИОН», т. II) и особенно С. Н. З а м я т н и н, Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом («Сов. Арх.», 1946, т. VIII).

² M. R o s t o v t z e f f, The social and economic history, III, стр. 1457; K. S c h e f o l d, Der skythische Tierstyl in Südrussland, ESA, XII (1938).

³ Б. Р а б и н о в и ч, О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья, «Сов. Арх.», 1936, т. I.

⁴ Б. З. Р а б и н о в и ч, Шлемы скифского периода, «Труды Отдела Истории первобытной культуры», 1941, т. I, стр. 42 сл.

⁵ А. П. М а н ц е в и ч, О скифских поясах, «Сов. Арх.», 1941, т. VII, стр. 19 сл.

⁶ Из подобного рода трудов можно назвать: W. G i n t e r s, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, 1928; H. S c h m i d t, Skythischer Pferdegeschirrschmuck aus einem Silberdepot unbekannter Herkunft, P. Z., XVIII (1927). P. R a u, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unt. Wolgagebiet, 1929, стр. 13 (о стрелах).

⁷ A. P o t a p o v, Inkrustierte Keramik von Belsk, ESA, IV; M. M a k a r e n k o, La civilisation des Scythes et Hallstatt, ESA, V (1930); L. N i e d e r l e, Keramikia zapadnich skythskych mohil, «Recueil M. P. Kondakov», Praha, 1926.

даться и явления доскифского периода и факты, относящиеся к Западу и Востоку. Замечательные находки в Пазырыкском кургане¹ поэтому важны не только для истории Алтая; они бросают яркий свет и на многие явления собственно скифской культуры. Исследования в Урарту², на Северном Кавказе³ и в Поволжье⁴ внесли в понимание скифской культуры больше, чем многие и многие находки в Приднепровье.

Важность скифской проблемы для дославянского периода истории СССР очевидна. Надо, чтобы она привлекла к себе внимание не только археологов, но и историков и лингвистов. Только совместные усилия представителей всех этих исторических дисциплин могут привести к совершенно удовлетворительным результатам. В этом отношении немалое значение приобретает предпринятое ВДИ переиздание переводов текстов древних писателей о Скифии и Кавказе, что, несомненно, будет способствовать актуализации вопросов истории скифов, их быта и культуры.

¹ С. Р., Скифское погребение восточного Алтая, «Сообщения ГАИМК, 1931, № 7»; С. И. Руденко, Скифская проблема и алтайские находки, «Изв. АН, Серия истории и фил.», 1944, № 6; М. П. Грязнов, Раскопки княжеской могилы на Алтае, «Человек», 1928, № 2—4; E. Golomsh tok, and M. P. Griaznov. The Pazirik burial of Altai, «American Journ. of Arch.», v. 37, 1933, № 1.

² См. указ. выше работы Б. Б. Пиотровского.

³ В. А. Городцов, О результатах арх. иссл. Елизаветинского городища и могильника в 1934 г., «Советская Этнография», 1935, № 3; он же, Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г., «Сов. Арх.», 1937, № 1; он же, Арх. иссл. в ст. Елизаветинской, «Археол. иссл. в РСФСР в 1934—36 гг.», М.—Л., 1941; Н. В. Анфилов, Новые данные к истории Азиатского Боспора, «Сов. Арх.», 1946, т. VIII; Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, Моздокский могильник, Л., 1940.

⁴ Б. Н. Граков, Курганы в окр. пос. Нежинского, Оренб. у. по раскопкам 1926 г., «Труды секции археол. РАНИОН», 1928, т. IV; В. Граков, Monuments de la culture Scythique entre la Volga et les monts Oural, ESA, III (1928); он же, Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenburg, ESA (IV). l' R a u, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929; Prähistorische Ausgrabungen auf Steppenseite d. deutschen Wolgagebiete im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927; П. С. Рыков, Очерки по истории нижнего Поволжья по археологическим материалам, Саратов, 1936.